

А.К. ВОРОНСКИЙ В ПОИСКАХ ЖИВОЙ ВОДЫ.

- М.: Росспэн, 2001. - 358 с. - 2000 экз.

Хотя об Александре Воронском - одной из главных фигур литературного процесса 1920-х гг. - написано уже немало, персональная монография, посвященная как его собственному творчеству, так и деятельности на посту главного редактора "Красной нови", появляется впервые. Необходимость в таком обобщающем исследовании объективно назрела, поскольку именно сегодня вклад А.К. Воронского в развитие советской литературы может быть оценен без привычных идеологических штампов, характерных для советского периода, и вместе с тем без эмоциональных преувеличений, по существу.

Одной из важнейших монографий последнего времени, посвященных литературной обстановке 1920-х гг., А. Воронскому и драматичной судьбе литературной группы "Перевал", является книга Г. Белой "Дон-Кихоты 20-х годов. "Перевал" и судьба его идей". Этот научный труд во многом исчерпывает тему, и несколько странно, что именно в главе, посвященной "Перевалу", Динерштейн не обращается к фактам и выводам, предложенным в этой монографии, хотя в целом на протяжении своего исследования неоднократно то сочувственно цитирует Г. Белую, то полемизирует с ней.

Е.А. Динерштейн осмысляет и комментирует известный, в общем-то, биографический материал, связанный с ранней революционной деятельностью А. Воронского, затем - с его работой в Госиздате, на посту главного редактора "Красной нови", в писательской артели "Круг", но при этом использует новые, прежде закрытые документальные источники; он специально отмечает, что в Архиве Президента Российской Федерации и Центральном архиве ФСБ по-прежнему хранится "ряд материалов, касающихся А.К. Воронского, но остающихся недоступными". В монографии весьма подробно излагается начальный период партийной работы Воронского: искренняя увлеченность марксизмом, личное знакомство с В.И. Лениным, вера в революцию, что в период сталинского правления обернется против него и приведет в итоге к гибели.

Защита и поддержка А. Воронским так называемых "попутчиков" - лучших писателей и поэтов 1920-х, неутомимая самоотверженная работа по собиранию молодых сил советской литературы вызывала со стороны "неистовых ревнителей" пролетарской культуры сначала настороженность, а затем и резкое неприятие. Идеологи РАПП и ВАПП испытывали по отношению к Воронскому не просто вражду, но настоящую ненависть. Так, например, И.В. Вардин - один из активистов ВАПП - не раз утверждал, что "Воронский является фактическим агентом буржуазии" и потому "заслуживает величайшей политической ненависти", ибо "разлагает нашу организацию" (с. 147). Именно Вардиным был сформулирован страшный "оргвывод": "Воронщину необходимо ликвидировать".

Е.А. Динерштейн подробно описывает скорбный путь обреченного. Цитируя документальные источники, письма и партийные резолюции, исследователь

показывает, как планомерно и неуклонно "выдавливали", выживали А. Воронского сначала из Госиздата, затем из писательской артели "Круг", а вскоре и из "Красной нови". Два ареста: в 1927 г. (за ним последовала ссылка) и в 1937 г. (абсурдные политические обвинения и расстрел) - это роковой, неизбежный при сталинщине жребий одаренного и яркого человека, для которого служение революции заключалось в поддержке молодых писательских талантов. Он был не просто редактором лучшего литературно-художественного журнала 1920-х гг., но и старшим товарищем, другом тех, кто составил ядро молодой советской литературы. Мнение Вячеслава Полонского о том, что "за Воронским в истории советской литературы должно укрепиться имя Ивана Калиты, собиравшего литературу по крупицам", остается верным и сегодня.

Конечно, марксистские убеждения А. Воронского, взгляд на новую советскую литературу как на то, что должно помогать делу революции, не могли не сказаться на оценке конкретных произведений. Так, например, А. Воронский резко отверг роман Е. Замятина "Мы", заявив, что "рано еще по нас такими сатирами стрелять" (с. 190). Да, он активно участвовал в судьбе Е. Замятина, противодействуя высылке писателя из страны в 1922 г., но в целом саму идею выдворения из советской России группы так называемых "внутренних эмигрантов" поддерживал, поскольку считал их враждебность по отношению к новому строю опасной.

Утверждение Е.А. Динерштейна о том, что "Воронский сумел преодолеть поставленный временем барьер, достойно оценив талант Замятина, Булгакова и Платонова", представляется нам излишне оптимистичным и "спрямленным". Все-таки этот талантливый критик был прежде всего марксистом, категории революционной и классовой целесообразности были ему отнюдь не чужды. Именно поэтому сатирические рассказы М. Зощенко А. Воронский воспринял несколько настороженно и масштаба дарования молодого автора оценить не сумел. Отношение критика к этому "серапиону", в отличие от остальных - Вс. Иванова, Н. Никитина, К. Федина, Н. Тихонова и М. Слонимского, - Е.А. Динерштейн справедливо характеризует как "отстраненное" и констатирует, что от "Красной нови" А. Воронский Зощенко "фактически оттолкнул" (с. 199).

В то же время, несколько противореча самому себе, исследователь пишет: "Замятин, Зощенко, Булгаков, Платонов заставляли читателя усомниться в самом сокровенном для Воронского - в сути совершившейся революции" (с. 200). Вот именно! Поэтому редактор "Красной нови" и не спешил публиковать их произведения. Весьма характерна для мировоззрения Воронского и его позиции редактора следующая оценка повести А. Платонова "Сокровенный человек": "Рукопись высоко художественна, но в ней с гражданской войны сдирается кожа. Вещи представлены в намеренно голом виде. Такую повесть я считаю опасным помещать, несмотря на то, что искушение у меня было сильное, потому что написана она с художественной точки зрения настоящим мастером" (с. 200).

Разумеется, подобные суждения не умаляют достоинств Воронского-критика и Воронского-редактора, но сегодня эту фигуру уже, как нам кажется, не следует идеализировать. Споря с Евгением Добренко и его трактовкой эстетической концепции А. Воронского, изложенной в книге "Формовка советского писателя", Е.А. Динерштейн остается, на наш взгляд, в плену "шестидесятнических" иллюзий. Воронский был, бесспорно, одним из лучших представителей революционного поколения, человеком незаурядным и талантливым, но многие заблуждения своего времени разделял и при всей своей смелости оставался в рамках марксистской

критики. Тем не менее он, как показывает Динерштейн, считал искусство особой сферой человеческой деятельности, неподвластной идеологической директиве или окрику сверху. Многие его поступки требовали большого мужества. В 1927 г., после появления известной статьи Н. Бухарина "Злые заметки" и развернутой пропагандистской кампании против "есенинщины", только А. Воронский осмелился публично выразить свое несогласие с официальной точкой зрения и на вечере, посвященном годовщине смерти поэта, призвал собравшихся "прекратить глумление над памятью Сергея Есенина и склонить голову перед могилой большого и светлого поэта" (с. 206).

Из книги Динерштейна мы достаточно подробно узнаем о взаимоотношениях А. Воронского и Вс. Иванова (сначала близких, дружеских, но затем разорванных навсегда), И. Бабеля, М. Пришвина. Автор подчеркивает, что благожелательное отношение критика к весьма далеким от него писателям не вызывало сомнений. Недаром впоследствии, когда наступили черные времена сталинских репрессий, Пришвин писал, что Воронского "никак нельзя обижать уже по одному тому, что во время литературного пожара он выносил мне подобных на своих плечах от огня" (с. 226).

Отдельная глава - "Прерванный диалог" - посвящена непростой истории отношений А. Воронского и Горького. Динерштейн публикует несколько неизвестных прежде фрагментов их переписки, изъятых в свое время цензурой. К примеру, писатель и критик обмениваются очень резкими суждениями о личности Маяковского после появления знаменитого "Письма писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому". "Какая сволочь Маяковский? Будьте спокойны, мы ему за "Письмо" всыпем, - возмущается А. Воронский в письме Горькому 16 февраля 1927 г. - Какое нахальство, какое ерничество, какая распоясанность!!! Да, наши литературные нравы того-с!" (с. 267). Горький отвечает своему адресату в том же духе. В дальнейшем Горького и Воронского "разводит" отношение к фигуре Сталина и к избранному им политическому курсу.

О роковой предрешенности гибели Воронского Динерштейн пишет абсолютно точно: "Как и прочие его сограждане, он стал заложником системы, созданной с его, Воронского, участием" (с. 289). В начале 1935 г. Воронский был исключен из партии, 13 февраля 1937 г. арестован, через полгода (13 августа) расстрелян. И это лишь одна из скорбных страниц в страшном мартирологе советской литературы.

Е. Скарлыгина

“Новое литературное обозрение” №53, 2002